

И. И. Ясинский

Пожар

(Очерк)

Спутники Чехова. Под ред. В. Б. Катаева. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.

OCR Бычков М. Н.

Кремнев встал с легкой болью в голове. Это был человек атлетического сложения, с огромной черной бородой, волнисто сбегаящей на грудь. Боль в голове заставила его подумать, что он давно не был на охоте. Он приказал кучеру запрячь лошадь и, увидев жену с заспанным лицом, вышедшую из детской, проговорил:

-- Хочу рассеяться. Кровь, должно быть, застоялась.

Жена посмотрела на мужа равнодушным взглядом.

-- Поезжай,-- сказала она.-- Ночью сгорело чье-то сено. Ты бы, Сергей Иванович, посмотрел, не...

-- Нет, не наше,-- прервал жену Сергей Иванович.-- Это стоги отца Митрофана. Наше сено с другой стороны. А впрочем... Семен! -- крикнул он -- Так ты говоришь, что поповское сено сгорело?

-- Поповское. А то чье же? -- ответил кучер с козел по направлению к открытому окну в доме, где беседовал с женою Сергей Иванович.

-- Вот видишь! -- с улыбкой произнес Сергей Иванович и надел на свою большую стриженую голову маленький кожаный, сильно потертый картузик. Через плечо он повесил нитяную сумку, взял двустволку с зеленою истрепавшеюся перевязью и, тяжело поскрипывая охотничьими сапогами, вышел на крыльцо и сел в свою бричку.

-- Цитра, ісі!

Сеттер, весь дрожа своим благородным телом, с радостным лаем вскочил в бричку и поместился у ног хозяина, волнуясь и тыкая холодным носом в руку Сергея Ивановича,

-- Куш, дура! Лида, а Лида! -- закричал Сергей Иванович жене, которая выбежала на крыльцо в ночной кофте и коротенькой красной юбке, плотно облегавшей круглое тело.-- Послушай, Лида, придут от Хаима за маслом, так ты не продавай дешевле 30 копеек. Теперь масло стало дороже. А яйца,-- крикнул он, когда лошадь тронула экипаж и пошла к раскрытым настежь воротам,-- совсем не продавай! Яйца станут скоро дороже... Стой, Семен, придержи лошадь! Лида! Придут из управы за ассигновкой, так скажи, чтобы подождали. Общественных денег я никому не могу доверять. А картофель пошли Плюхаревым. Они просили мешочек нашего картофеля. Мы с ними потом, сочтемся. Пошел! Стой! Ваньке больше трех копеек в школу на завтрак не отпускай! Ты его балуешь!

Что-то еще хотел сказать распорядительный и хозяйственный Сергей Иванович, но лошадь выехала, наконец, из ворот, потому что ей не стоялось, да и Семену надоело слушать крик барина. Сергей Иванович махнул рукой, поплотнее уселся в бричке, завернулся в полотняную накидку, походившую и на плащ, и на халат, и скоро очутился за чертой уездного города, где протекла его сорокалетняя жизнь, где он добился и независимого состояния, и видного положения -- он был председателем земской управы -- и где ему суждено будет сложить на старинном мирном кладбище свои кости. Конечно, это случится еще нескоро -- Сергей Иванович проживет еще лет сорок. Он по крайней мере был в этом уверен.

Неопределенная, тупая боль головы сосредоточилась в правой половине ее. "Должно быть, сейчас и совсем пройдет",-- подумал Сергей Иванович.

Лошадь бежала мерной рысцей, какую бегают сытые и откормленные хозяйские лошади. Пыль поднималась по обеим сторонам брички от быстро вертящихся колес; белая, как снег, шелковистая Цитра лежала неподвижно у ног Сергея Ивановича, но не переставала дрожать, обнюхивая по временам ложе двустволки. Солнце еще невысоко стояло над землею, небо было ясное, безоблачное, синего, василькового цвета. Рожь начинала белеть -- почти поспела. На горизонте кругом виднелись темные массы лесов, похожие на растянувшиеся низкие тучи. Дорога вилась проселочная, и Сергей Иванович вскоре увидел луг с кучами пепла, уже переставшего дымиться и лежавшего, на том месте, где еще так недавно гордо возвышались стоги прошлогоднего сена отца Митрофана.

-- Нарочно сожгли,-- предположил Семен, закулив трубку.-- Поскупился батюшка, не продал по осени -- вот теперь и шабаш.

-- Ты думаешь -- нарочно? -- спросил Сергей Иванович.